

Научная статья

УДК 130.2

doi: 10.17223/22220836/53/2

КУЛЬТУРА В РАКУРСЕ АНТРОПОГЕОГРАФИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ Ф. РАТЦЕЛЯ

Наталья Викторовна Выжлецова

*Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического
приборостроения, Санкт-Петербург, Россия, maus72@mail.ru*

Аннотация. Осуществлен анализ антропогеографического учения Ф. Ратцеля о культуре на материале трех основополагающих работ: «Народоведение» (первого (1881) и второго (1894) немецких и русского издания (1904)), «Антропогеография» (немецкого издания (1882)), «Земля и жизнь» (немецкого издания (1902) и русского перевода (1906)). Выделены базовые теоретические положения его учения о культуре: определение и сущность культуры, связь почвы (земли) и культуры, типы (формы, уровни) культуры, «подвижность» как сила культуры, культурные границы, значение меж-культурных связей, диффузия культуры, культурные круги.

Ключевые слова: культура, диффузия культуры, типы культур, культурные круги, культурные границы, культурология

Для цитирования: Выжлецова Н.В. Культура в ракурсе антропогеографического учения Ф. Ратцеля // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2024. № 53. С. 23–40. doi: 10.17223/22220836/53/2

Original article

CULTURE IN THE CONTEXT OF F. RATZEL'S ANTHROPOGEOGRAPHICAL TEACHINGS

Natalya V. Vyzhletsova

*Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation,
St. Petersburg, Russian Federation, maus72@mail.ru*

Abstract. An important place in the interdisciplinary debates of the turn of the nineteenth and twentieth centuries belongs to F. Ratzel's anthropogeography.

From the perspective of F. Ratzel's anthropogeography, culture is: 1) the sum of material and spiritual achievements, among which material culture is the "skeleton" of spiritual progress; 2) the application of "a piece of land", eventually growing into spiritual activity; 3) a synonym of civilization as "citizenship".

Culture is the result of the accumulation, consolidation and "enlargement" of the experience of generations. The creators of cultural innovations are individuals.

The development of a nation depends on natural conditions, which can have beneficial and constraining effects on culture.

Ratzel distinguishes three types of cultures in history, the difference between them lies in their ability to develop and to relate to each other. At the same time, the cultural differences override the fundamental unity of the human race.

Man is by nature a restless and unstable creature. The movement of peoples, internal and external, visible and hidden (infiltration) rules history. As a consequence, cultural boundaries are inherently unstable and in a state of constant "wandering".

Another fundamental component of the historical process, along with fluidity and development, is the links between peoples, countries and cultures. Based on this, Ratzel

divides all peoples into passive (closed, hindering communication) and active (open, entering into and maintaining communication).

In essence, Ratzel's scientific legacy refers to the process of diffusion of culture, although the concept itself appeared later. The similarity in the features of material culture and traditions ("the criterion of form") is explained by the common origin and further movement of these elements from one place to another. At the same time, the received elements have to be retained and assimilated.

Finally, in order to designate cultural areas with the same climatic conditions, Ratzel introduces the concept of "cultural zones" / "circles", which is further developed in diffusionism. The transfer of ideas within a circle takes place from the centre to the periphery. The strength of the impact of ideas depends on the length of the diffusion path, the degree of cohesion of states, the size of the cultural circle, and the quality of the concentric zones.

A critical assessment of the research "enthusiasm" of the pioneers of comparative studies of cultures, including F. Ratzel, overlooks the fundamental contribution they made to the formation of socio-cultural anthropology.

Ratzel, who implemented an anthropogeographical perspective in his teachings, is at the origin of the main line in the development of socio-cultural anthropology, which led to the formation of culturology as a science.

This interrelation and continuity is reflected in the definition of the subject of culturology in L. White's project. The latter, along with the analysis of structure and functions of culture and its evolution, included those diffuse processes, which F. Ratzel started to study, into the field of subject studies of the science of culture.

Keywords: culture, diffusion of culture, types of culture, cultural circles, cultural boundaries, culturology

For citation: Vyzhletsova, N.V. (2024) Culture in the context of F. Ratzel's anthropogeographical teachings. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 53. pp. 23–40. (In Russian). doi: 10.17223/22220836/53/2

Введение

С одной стороны, массив антропологических и этнографических данных, представленных в трудах Ф. Ратцеля (1844–1904), некогда считавшийся энциклопедически исчерпывающим, безнадежно устарел. Кроме того, некоторые его идеи подверглись теоретическому упрощению и были чрезмерно политизированы: «...идея о влиянии географического фактора на культурное развитие... принесла Ратцелю не вполне заслуженную славу „географического детерминиста“»; понятие жизненного пространства «использовалось для оправдания территориальной экспансии идеологами „третьего рейха“» [1. С. 338]. В этой связи можно упомянуть однозначно критическую характеристику, данную основателю антропогеографии в известном обобщающем издании А. Кребера и К. Клакхона: «Ратцель был и оставался географом, настолько увязшим в детерминизме окружающей среды (environmental), что ему так и не удалось полностью мобилизовать себя для систематических исторических поисков» [2. Р. 159].

С другой стороны, стоит отметить, что «ряд идей Ратцеля (культурные круги, диффузия культуры) были плодотворно использованы в таких направлениях антропологии, как диффузионизм, теории „культурных кругов“ и „культурных ареалов“»; его антропогеографические идеи «во многом определили развитие географии человека в 20 в.»; его «можно рассматривать как одного из предтеч современной экологии»; вызывает глубокое уважение его позиция в утверждении гуманистически идеалов и проповедь единства и целостности человечества [1. С. 338].

Вместе с тем ратцелевское учение о культуре, несомненно, является неотъемлемой составляющей той магистральной линии развития социокультурной мысли, которая привела к формированию культурологии как науки в концепции Л.А. Уайта.

Б. Малиновский называл Ф. Ратцеля, как и К. Риттера, пионером диффузионизма, чей вклад в исследование культур состоял «в рассмотрении исторических процессов в конкретном географическом контексте», а значит, каждая культура рассматривалась «в связи с ее природным окружением» [3. С. 26]. Его «позитивный вклад» состоял во введении в сравнительное изучение культур (рас, племен) «двух новых принципов»: 1) карты мира и постулата «о необходимости более детальной хронологии»; 2) диффузии как главного объяснительного принципа сходства культурных признаков [3. С. 169]. Затем эта школа, «получившая развитие в Германии, нашла энергичную поддержку в Великобритании, а под влиянием Франца Боаса историческая точка зрения на культуру сформировалась и среди антропологов Соединенных Штатов» [3. С. 169].

Наконец, Л.А. Уайт, возродивший эволюционизм в его рациональной форме, перешедший из рядов яростных приверженцев в ряды оппонентов Ф. Боаса, очерчивая предметное поле культурологии, наряду с изучением эволюционных процессов, структуры и функций культурных систем, включил в него диффузию («миграции культуры») и те изменения, которые происходят в системах культур в результате диффузии [4. С. 79; 5. С. 82].

Определение и сущность культуры

Хотя у Ф. Ратцеля культура не является отдельным предметом исследования, но она представляет собой неотъемлемую характеристику географии человека. Культуре как таковой Ратцель посвятил отдельные разделы в своих трудах «Народоведение» и «Земля и жизнь». «Согласно Ратцелю, антропогеография должна быть составной частью биогеографии, а для получения более полного представления о земле следует включить в него духовное измерение человека» [6. С. 35].

Начнем рассмотрение учения Ф. Ратцеля о культуре с собственно ее определения, так как, согласно точному замечанию Б. Малиновского, ученый, «использующий свидетельства о современных примитивных и более продвинутых культурах в попытке реконструировать историю человека, будь то в терминах эволюционизма или диффузионизма, в равной степени способен основывать свои аргументы на строго научных данных только в том случае, если представляет, что есть культура» [3. С. 16].

Со второй половины XIX в., с первой попытки научного определения понятия «культура» Э. Тайлором и периода интенсивного развития культурной антропологии, можно отметить рост интереса к науке о культуре и к терминологическому осмыслению культуры. Этот «поворот к культуре» на рубеже XIX–XX вв. привел сколь к многогранности, столь и к «инфляции» данного термина [7. С. 1312]. В это время понятие культуры становится «ключевым» термином, в котором отражается «ощущаемый значительной частью общества духовный вакуум „модерна“» как «вопрос о смысловом отношении к жизненному миру, который, казалось, расходился по швам» [7. С. 1312]. На фоне «эйфории и угрозы» надвигавшихся процессов модерниза-

ции и глобализации «началась широкая общественная дискуссия, которая не только включала в себя поиск обязательных интерпретаций смысла, но и инициировала междисциплинарные академические дебаты» [7. S. 1312]. В частности, немецкие историки, географы, социологи и экономисты использовали понятие культуры «прежде всего, как воплощение исторического жизненного мира (geschichtlicher Lebenswelt)» [7. S. 1312]. «С этой целью историк Карл Лампрехт построил схему различных „культурных эпох“, которая должна была рассматривать исторические изменения уже не только на основе деятельности отдельных индивидов, но и как продукт общих человеческих действий в истории. В этом контексте понятие культуры „никогда не было просто объектом“, оно было так же и „средством наблюдения, которое использовалось специально, когда речь шла об изменении настоящего и утверждении определенных целей“. Так, Ф. Ратцель в первом томе своего «Народоведения» пояснил, „что мы прикладываем определенный масштаб к различным культурам... исходя из того уровня культуры, который мы сами достигли“» [7. S. 1312].

Итак, уже в «Народоведении» Ратцель упоминал о том, что обыкновенно словом «культура» обозначают «сумму всех духовных достижений (Errungenschaften) эпохи» [8. S. 14]. Но в основе духовных достижений лежат материальные. Материальное и духовное имеет «совершенно разное значение для внутренней ценности общей культуры и, прежде всего, для ее способности к развитию» [8. S. 17], «приобретается неодинаковыми средствами, не с одинаковой легкостью и не в одно и то же время» [9. С. 26]. Комплекс материальной культуры образует «скелет духовного прогресса» [10. С. 674]. «Духовные творения как роскошь следуют за удовлетворением телесных потребностей» [8. S. 17].

Кроме того, ссылаясь на этимологию слова, Ратцель пришел к мысли, что культура есть приложение «известной суммы сил к клочку земли», а это есть «наиболее обещающее начало той независимости от природы, которая в победе духа над нею видит свою цель» [9. С. 26]. «Основные условия культуры» (Grundbedingungen der Kultur) возникают, когда на основе ежегодно повторяющейся работы на одной и той же почве «сосредоточивается творчество и закрепляется предание» [9. С. 26].

Вместе с тем немецкий ученый сопоставлял и связывал культуру как обработку земли (Bebauung des Bodens) с цивилизацией, означающей «образование гражданственности» или «превращение в гражданина» (zum Bürger machen): «...употребляя слова „культура“ и „цивилизация“ как синонимы, мы этим самым признаем связь между экономическими и политическими элементами культуры» [10. С. 673]. Ратцель ставил духовный элемент культуры в зависимость от экономического и политического развития: именно в пространстве между ними и под их покровительством, как «цветок», вырастает третий, духовный элемент культуры: «...сокровищница мыслей и образов, накопленных за бесконечное число поколений в сознании людей, в которую все культурные народы непрерывно вносят свой вклад» [11. S. 652].

Наконец, отметим, что весь «комплекс культуры» (Komplex der Kultur), по Ратцелю, «формирует народ» (wirkt völkerbildend), который, в свою очередь, «воплощает в своей индивидуальности (Volkspersönlichkeit) часть культуры» [10. С. 687; 11. S. 666].

Культура есть результат накопления, закрепления и «увеличения» опыта поколений. «Соединением вместе живущих упрочивается сохранение, а связью поколений – развитие культуры» [9. С. 24]. Разница между культурами состоит именно в способности к развитию.

Материальный и духовный прогресс взаимосвязаны. «Процессы, которые в совокупности составляют то, что называется прогрессом человека, основаны на все более углубленном и расширенном изучении природных явлений, в результате чего происходит соответствующее увеличение объема средств, которые человек использует для улучшения и благоустройства своей жизни из своей естественной среды» [8. S. 42].

При этом Ратцель неоднократно подчеркивал, что создателями культурных новаций являются индивиды: «Духовные приобретения – это индивидуальные достижения (Einzelleistungen), а история даже самых простых открытий – это часть духовной истории человечества» [8. S. 42]. В громадную ткань мировой культуры «вплетается бесконечное множество нитей; но все, что создают народы, в конце концов, основывается на деятельности отдельных лиц» [9. С. 28]. Достижения создаются индивидами и для индивидов: «...способ накопления умственных приобретений бывает двоякий: во-первых, концентрированная творческая сила гениальных отдельных личностей, вносящая одну ценность за другую в сокровищницу человечества, и, во-вторых, распространение в массах, что является предварительным условием сохранения изобретения» [9. С. 76]. Жизненная сила открытий и изобретений зависит от силы традиций народа, которую «можно назвать функцией внутренней органической связи поколений» [8. S. 43].

«Сила культуры» (die kulturliche Kraft) укоренена в народе намного глубже политической силы. История свидетельствует о том, что «после политической гибели остается непокоренной более сильная твердыня». «Когда все политические силы оказываются исчерпанными, в культурном превосходстве (Kulturüberlegenheit) обнаруживается источник», который готовит «неожиданное поражение победителю» на «поле» культуры, к которому он «не был подготовлен» [11. S. 666]. Таким образом, напряженная работа на «давно проторенных дорогах культуры» позволила Китаю «превзойти» своих завоевателей (монголов и маньчжуров), а античной культуре, сокрушенной германцами, сделаться для их потомков всемирной [11. S. 667].

Причины истощения духовной силы культуры Ратцель видит во «внешних разлагающих влияниях»: 1) ослаблении власти; 2) обнищании; 3) потере независимости, 4) уменьшении численности народа [9. С. 56; 12. S. 53].

«Человек как часть поверхности земли». Связь почвы (земли) и культуры

«Отдельный человек строит на земле свой дом и находит в ней или на ней свою могилу, народ имеет свою область, всему человечеству принадлежит земля. Положение, пространство и границы человечества и отдельных народов – все определяется поверхностью земли, и уже положение и контуры отдельных ее частей намечают различия, которые должны когда-нибудь проявиться на тех племенах, которые их населяют. Кроме того, каждый народ получает известное наследие от той части земли, которую он населяет» [10. С. 649].

Изучение народа и его культуры необходимо начинать с «почвы» (Boden), на которой он живет. «Земля» (Erde) у Ратцеля есть поверхность планеты, «почва» же – это окружающая среда «в самом обширном смысле слова, начиная с воздуха, света и небесного свода, отражающегося у него в душе до земли, возделываемой земледельцем, и глыбы камня, венчающего нередко один из красивейших его храмов» [10. С. 650]. Об этом в свое время размышлял И. Г. Гердер, в философии истории которого народы «привязаны к почве (Boden) и чувствуют себя неотделимыми от нее» [13. С. 74].

По Ратцелю именно культура «повсюду приковывает человека к почве» [11. С. 627], поскольку на ранней стадии своего развития она «имеет тесную связь с обработкой почвы», а значит подчиняется естественным условиям, «от которых зависит накопление богатства, благодаря плодородию почвы и заложенному в ней труду» [9. С. 26]. Но в ходе исторического развития народа его культура все больше «отрешается» от нее [9. С. 26].

Движения народов, определяющие культурно-исторический процесс, обусловлены почвой: «...положением и пространственными соотношениями, устройством поверхности, орошением и растительностью; она то поощряет, то задерживает, то ускоряет, то замедляет, то соединяет или разъединяет находящиеся в движении массы» [10. С. 650].

Каждый народ имеет свои способности и наклонности, которые могут оставаться при нем в разных условиях, но «ни один народ не ускользает от влияния «внешних условий жизни» (äußere Lebensbedingungen) [11. С. 631].

Итак, естественные условия, в антропогеографическом учении Ратцеля, могут оказывать благотворное опосредованное воздействие на духовное развитие человечества, если они способствуют: 1) увеличению плотности населения; 2) плодотворной деятельности отдельных лиц; 3) широкому распространению народа; 4) достаточным возможностям обмена [8. С. 43].

Типы культуры (культурные формы)

Ратцель выделял три типа культуры: культуру естественных народов, полукультуры (Восток: Китай, Япония и др.), высшие культуры (Запад: Европа, Северная Америка, колонизированная Австралия и др.).

«Естественные народы» (*Naturvölker*) находятся в большей степени под давлением природы или в зависимости от нее, чем «народы культурные» (*Kulturvölker*) [8. С. 5]. Их различие не в степени, а в способе связи с природой: «Культура – это свобода от природы не в смысле полной отрешенности, а в смысле более разнообразной, свободной и широкой связи» [8. С. 6]. Культура освобождает человека от «влияния отдельных случайностей в природных процессах» [9. С. 26].

«Естественные народы – это народы бедные культурой» [8. С. 18]. Это означает, что «внутренние и внешние обстоятельства помешали им достигнуть таких прочных успехов в области культуры, которые служат признаками настоящих культурных народов и доказательствами культурного прогресса» [9. С. 22]. Вместе с тем у них есть «первичные средства культуры»: «...язык, религия, огонь, оружие и орудия свойственны им всем, и обладание этими средствами и многими другими, в числе которых достаточно назвать домашних животных и культурные растения, свидетельствует о многочисленных и

разнообразных соприкосновениях с настоящими культурными народами» [8. S. 13; 9. С. 22].

Причиной культурной отсталости естественных народов, по Ратцелю, является задерживающее действие внешних условий (территорий, климата, почв, рельефа): «местообитание» на скудных или ограниченных пространствах, «на самых внешних окраинах эйкумены, в холодных и жарких странах, на отдаленных островах, в замкнутых горах, пустынях... которые представляли столь мало средств для развития земледелия и скотоводства...» [9. С. 22].

Соединение внешней подвижности (духа кочевой жизни), способности к перемещениям и однообразие учреждений и представлений (отсутствие развития) порождает сходные «жизненные формы» (Lebensformen) как разновидности единой «культурной формы» (Kulturform) естественных народов [11. S. 654].

Характеризуя место «культурной формы» естественных народов в мировом культурно-историческом процессе, Ратцель делает попытку разграничения с эволюционистскими представлениями: «... в культурном отношении эти народы составляют слой, низший в сравнении с нами, между тем как по естественному образованию и задаткам они... равны нам, а отчасти стоят недалеко от нас». Это расслоение, по Ратцелю, не следует понимать в том смысле, что естественные народы – «ближайшие к нам низшие ступени развития, по которым прошли мы сами»; это отдельная «культурная форма», состоящая из вытесненных в сторону и отставших в своем развитии элементов [8. S. 14; 9. С. 24].

«Полукультуры» (*Halbkulturen*). В качестве полукультур Ратцель называет современные ему восточные цивилизации: цинский Китай, Японию эпохи Мэйдзи и др.

Здесь существенными являются силы задерживающие развитие данных культур. «Односторонность и неполнота полукультуры заключается в области умственного прогресса, которому предшествует развитие экономической стороны» [9. С. 25]. Застойные явления в социально-политической и экономической жизни связаны здесь с остановкой в развитии, с отсутствием научного прогресса как важнейшей духовной силы культуры: «В полезном, в искусстве практической жизни они велики, но мы не обязаны им ни одним глубоким взглядом на связь и причины явлений, ни одной теорией» [9. С. 25]. «Китайцы не имеют научных исследований, философии и поэзии в европейском титаническом и прометеевском смысле, и этот дух несвободы (*Geist der Unfreiheit*) пронизывает все их искусство: все направлено на сохранение, а не на усовершенствование» [8. S. 16].

Однако Ратцель не отказывал полукультурам в исторических перспективах: только будущее покажет, «как и насколько» эти народы смогут «уйти вперед по культурным путям» [9. С. 25]. Здесь уместно вспомнить о том, что еще Н.Я. Данилевский в своем труде «Россия и Европа» размышлял о возможном дальнейшем историческом прогрессе восточных культур: «Прогресс... не составляет исключительной привилегии Запада, или Европы, а застой – исключительного клейма Востока, или Азии...» [14. С. 75].

Россия. Как и у Н.Я. Данилевского или, позднее, у О. Шпенглера (читавшего книгу «Россия и Европа» во французском переводе, как утверждал

П.А. Сорокин), Россия у Ратцеля представляет собой молодой тип культуры. В антропогеографической классификации культур она занимает промежуточное место между восточными полукультурами и высокими культурами Запада: «Россия представляет... единственный в Европе тип обширного, подобного не-европейским странам, государства с молодой культурой» [10. С. 664].

«Высшие» культуры (*höchste Kulturen*). Запад: Европа и европейские «дочерние народы» (*Tochtervölker*) (Северная Америка, колонизированная Австралия и др.).

Для данной культурной формы характерно энергичное развитие «сохраняющих и созидających сил» [9. С. 25]. Необходимым условием (питательной средой, почвой [*Nährboden*]) для развития высокой культуры (*höhere Kultur*) является большое число людей в городах и деревнях, избыток товаров, оживленные связи, «мир, в котором люди нуждаются для своей спокойной работы» [10. С. 673; 11. С. 653]. Экономическое превосходство составляет основу культурного и политического [10. С. 692].

Культурные различия отражаются в самой форме государств: «Государства высококультурных народов все замкнуты, в них хорошо очерчены границы, которые иногда остаются неизменными сотни лет; государства эти отличаются учреждениями, служащими для защиты граждан на пользу их телесному и духовному благосостоянию. ...Государства отсталых народов малы и слабы» [10. С. 690; 11. С. 669].

При этом «наилучших результатов достигают те народы, в политической и экономической жизни которых участвуют разные национальности и даже расы» [10. С. 696].

Экономический прогресс на Западе содействовал развитию науки как важнейшей духовной силы культуры, без которой «нет связей, нет войны, нет общества, нет государства» [11. С. 665]. Великий дар высшей культуры Запада, который она получила от науки, – «пронизывающая всю нашу жизнь, сложившаяся и неумоимо продолжающая формироваться свобода духа». «Это больше, чем достижение; это – сила. Эта свобода духа не дает покоя, она окружает острой возбуждающей, движущей атмосферой всю нашу жизнь, все постоянно обновляется и преобразуется под ее влиянием, она существенно способствует тому, что владение высшей культурой – это... не удержание сокровищницы красивых и полезных вещей, а приведение в движение могущественных сил» [11. С. 665]. Движущие силы культурного развития – наука и связи.

Итак, по мысли Ратцеля, в основе прогрессивной высшей культуры Запада лежит «свобода духа». В таком понимании оснований западной культуры очевидно влияние философии Г.В.Ф. Гегеля, который полагал: «На Востоке лишь один свободен, свободен лишь деспот; в Греции некоторые свободны; в германской жизни имеет силу положение, что все свободны, т.е. человек свободен в качестве человека» [15. С. 147].

Несмотря на многообразие рас и народов, типов и уровней их культуры, Ратцель утверждал идею принципиального единства человеческого рода: «...под ними в виде фундамента покоится общность самых главных приобретений культуры» [10. С. 636]. Всем людям присущи разум, речь, религия, и у всех есть важнейшие инструменты культуры (огонь, одежда, хижины, орудия и т.д.)

«Таким образом, единство человеческого рода (Einheit des Menschengeschlechtes) перекрывает различия...» [11. S. 617]. Единство человечества преобладает над разнообразием культур. Эта идея вполне соотносится с общей линией развития социально-культурной антропологии. Например, старший современник Ратцеля Э. Тайлор подчеркивал, что «нравы человечества обнаруживают однообразие и постоянство явлений, заставившие итальянцев сказать: „Весь мир есть одна страна“» [16. С. 21]. Так и впоследствии Л. Уайт на основе идеи единства человечества выстраивал свой метод исследования культуры: «Человеческую расу – человека – мы должны рассматривать как нечто единое. Подобным же образом мы должны представлять себе и все различные культуры – или культурные традиции, – полагая, что они составляют одну-единственную сущность – культуру человечества» [17. С. 388].

«Подвижность» как сила культуры. Культурные границы

«Подвижность» (die Beweglichkeit) является сущностной характеристикой народа. Подвижность – это не просто изменение человеком своего местоположения, но и всех его телесных и духовных способностей и наклонностей, «которые, совершенствуясь все более и более, делают из сообщения между людьми в самом широком смысле этого слова одну из наиболее важных сил культуры» [10. С. 651; 11. S. 632]. В этом смысле, как отмечал Ратцель, И.Г. Коль, немецкий путешественник и географ, назвал человека «существом общественным и беспокойным, желающим постоянно изменять и улучшать свое положение и место» [10. С. 651]. А «народоведение» (Völkerkunde) демонстрирует нам «склонность к рассеиванию» (Neigungen zur Zerstreuung), «которая заключается в тяге к перемене мест, в спорах, в войне, в торговле народов, в постоянной борьбе со сдерживающими силами общества, государства, общности языка и культуры (Schprach- und Kulturgemeinschaft)». Из этой способности вытекает то, «что мы называем историческим движением (Bewegung), и то, что уже Карл Риттер обобщил как историческую жизнь и развитие народов» [11. S. 632]. Чем выше уровень развития культуры, тем более подвижным является народ, благодаря развитию средств коммуникации.

Рост народа, как внутреннее движение, приводит к внешним движениям, «которые охватывают целые государства» [11. S. 632]. Стремление народов к захвату, удержанию и расширению пространства является одной из самых важных исторических сил по Ратцелю.

История есть движение. Чем глубже мы погружаемся в историю, тем сильнее и непосредственнее сталкиваются волны движения. Переселениями, вызванными неудобствами местности, начинается «история культурных народов (Kulturvölker)». Исторические эпохи «можно различать по интенсивности и виду (Stärke und Art) исторического движения», ибо культурные народы пребывают в «исторической толчее» (geschichtliche Gedränge) [11. S. 633]. В настоящее время «к пространственным изменениям способны только сами государства, народы же остаются сжатыми на своей почве (Boden)...» [11. S. 633].

Идеи подвижности как сущностной характеристики человека и культуры и движения как важнейшей закономерности исторического процесса служат

обоснованием постулата о неустойчивости культурных границ. В связи с этим, по Ратцелю, языковые и религиозные границы резко очерчены, разделяют области непонимания и противостояния; диалектные – напоминают культурные; расовые же и культурные границы очень размыты. «А границы отдельных культурных особенностей, как правило, можно определить лишь на короткое время, поскольку они не изолированы, разбросаны в пространстве и обычно находятся в состоянии постоянного блуждания (Wandern)» [18. S. 271–272]. Вместе с тем, чем больше разница в культурных особенностях с обеих сторон, тем больше значение этой границы. Лимнологическая перспектива, представленная в «Антропогеографии» и переросшая в идеологии «третьего рейха» в геополитическую, такова: «расовые границы превыше культурных, культурные границы превыше языковых, языковые границы превыше государственных» [18. S. 272].

Значение межкультурных связей

Связи, отношения, общение между народами, странами, культурами имеют принципиальное значение в антропогеографии Ратцеля: «...с самого начала письменной истории человечество сталкивается с особенностями сопоставления, отношения, связи ...» [11. S. 617]. По мнению Ратцеля, все народы в истории можно разделить на две группы: пассивные, препятствующие связям с другими (verkehrshindernde), и активные, вступающие в эти отношения и поддерживающие их (verkehrsfördernde) [11. S. 638].

Сначала происходит перемещение людей и предметов материальной культуры, позже – «движение мысли»: «Ближайшей целью всякого общения (Verkehr) является движение людей или их вещей от одного места поверхности земли к другому; значительное движение идей (Bewegung von Gedanken) совершается лишь на высшей ступени материальной культуры» [11. S. 634]. С результатами этого движения связан целый ряд выгод для культуры человека, «поскольку связи создают более, чем ставят себе целью, и их результаты выходят далеко за рамки материальной сферы» [10. С. 634]. Таким образом, движение идей есть результат передвижения людей и вещей. Раннее христианство распространялось по тем же путям, «по которым шла римская торговля» [10. С. 654], а «крупные городские центры на этих путях становились точками излучения нового учения» [11. S. 635].

При этом в ходе передачи духовной культуры распространяются не только ценные, но и опасные, разрушительные для принимающей стороны элементы культуры.

Однако именно открытость и участие в общении между народами обеспечивают культурно-исторический прогресс. Народы закрытые отличаются отсталостью и бедностью культуры. В этом отношении очевидно влияние немецкой философии истории. У Гегеля всемирную историю осуществляют восприимчивые народы, способные к контактам, изоляция же может стать одной из причин прекращения развития [19. С. 58–59].

Таким образом, в антропогеографии Ратцеля большинство народов были связаны уже в древнейшей истории, поэтому изучать их культуры необходимо с учетом этих связей: «Тем не менее и раньше народы были связаны, и сегодня в сфере нашего исторического знания немного групп людей на земле, которые можно назвать изолированными. Повсюду можно увидеть воздей-

ствие совпадений, сходств, родственных отношений, которые сплошной сетью покрывают всю землю, и жителей самых уединенных островов можно понять только в том случае, если учитывать их соседей, близких и отдаленных» [8. S. 50–51; 9. С. 81].

Распространение (передача, перенос) культуры (диффузия). Ассимиляция

Итак, согласно Ратцелю, народы и их культуры в истории (исключая настоящее время) находятся в постоянном движении. Причем движение народов может быть связано как с видимыми историческими процессами (переселениями народов, завоеваниями), так и с «инфильтрацией» (просачиванием, внедрением, скрытым проникновением). Последняя протекает практически незаметно, «когда новые пришельцы плетут сеть, в которую попадают гораздо более многочисленные старожилы (коренное население. – *Н.В.*)» [11. S. 657].

Говоря о распространении культуры, Ратцель, по сути, имел в виду процесс диффузии, но само это понятие – «диффузия культуры» – увидело свет позже. Здесь уместен пример с сопоставимой ситуацией, сложившейся со словом «цивилизация», появившимся впервые у В.Р. Де Мирабо в «Друге народа» (1756): так, Ж.-Ж. Руссо еще не упоминал ее в своем «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1754–1755), но, по сути, именно она и являлась объектом его критики, «врагом», не названный «по имени» [20. С. 261].

Сходство в материальной культуре, в различных традициях (в космогонических сказаниях у бушменов и австралийцев или полинезийцев и североамериканцев), «в области социальных и политических представлений и учреждений» (скажем, африканских народов, индийцев и древних египтян) Ратцель объяснял связями, контактами и заимствованиями («пересадкой» [Verpflanzung], «передачей» [Mitteilung]): «Там, где имели место значительные сходства, все же, прежде всего, хотелось бы поднять вопрос о связи, о передаче извне, часто, возможно, об очень косвенной (опосредованной. – *Н.В.*) связи» [8. S. 49]. Заимствования основатель антропогеографии считает более естественными, «чем самостоятельное изобретение одного и того же устройства или приема в дюжине различных мест» [8. S. 47].

Таким образом, для изучения процесса передачи элементов культуры (диффузии) «Ратцель использовал «критерий формы»: если два элемента разных культур сходны по форме, то это объяснялось их единым происхождением и последующим перемещением из одного места в другое через миграцию или контакты между народами (прямые или косвенные)» [1. С. 338].

Полученные при передаче элементы материальной культуры необходимо удержать: «При распространении культуры сначала речь идет о передаче (перемещении [Übertragung]), потом об удержании (Festhaltung). Перемещение продуктов культуры – это еще не перенос культуры» [11. S. 653]. Примеры «естественных народов» (Naturvölker), «бедных культурой» (kulturärmsten), показывают, как при заимствовании предметов цивилизации (огнестрельного оружия, водки, хлопчатобумажных тканей) вырабатываются новые потребности, для удовлетворения которых местные условия жизни не дают никаких

возможностей, что приводит к «дезорганизации первоначальных учреждений (ursprünglichen Einrichtungen) народа», которая представляет собой «настоящую болезнь общества» [11. S. 653].

«Но наиболее заметным в духовной области является восприятие (Aufnahme) чужих благ (Fremdgütern) без ассимиляции (усвоения. – Н.В.)» [11. S. 654]. Распространение мировых религий дает множество примеров того, что чужие блага, «которые возникли в результате расширения более развитых культур (höhere Kulturentwicklung)», будучи перенесенными в глубокие слои принимающей культуры и удержанными в них, при этом могут быть не усвоены (nicht assimiliert) [11. S. 654]. Сила распространения религиозных идей велика, но они могут быть искажены, будучи оторванными от первоначального учения.

Культурные круги / Культурные зоны

Как мы уже упомянули, в своей антропогеографии Ратцель не использовал понятие диффузии, но у него появляются понятия «культурных (и исторических) кругов» / «областей» / «зон» (Kulturkreis / Geschichtskreis / Kulturgebieten / Kulturzonen), «культурного пояса» (Kulturgürtel). «Критикуя понятие „раса“ и понимая все трудности, связанные с классификацией народов, Ратцель считал более адекватным для исследования истории культуры рассмотрение больших групп народов и ввел для этого понятие „круги народов“ (или „культурные зоны“), которое получило дальнейшее развитие в теориях „культурных кругов“ и „культурных ареалов“» [1. С. 338].

Культурные круги (культурные зоны, области) представляют собой «большие области одинаковых климатических условий, культурные области, располагающиеся вокруг земного шара в виде пояса» [9. С. 28], которые дают преимущества или ограничивают развитие культуры.

«Настоящей культурной зоной» с умеренным климатом (gemässigte Zone), в которой билось сердце древней истории, является Средиземноморье [9. С. 28]. Эта метафора, очевидно, была заимствована у Гердера [19. С. 59]. В районе Средиземноморья, где «сходятся Азия, Африка и Европа, мы встречаем... оживленное движение народов трех частей земли уже в начале древней истории...» [18. S. 92]. «Этому поясу принадлежало самое важное, органически-связанное, непрерывно-продолжающееся историческое развитие трех последних тысячелетий» [9. С. 28]. И даже после того, как исторический круг распространился по всей Европе, пересадка (Verpflanzung) европейской культуры продолжилась в Америке, Африке и Австралии. «Культурное влияние западных народов на человечество Ратцель рассматривал как определяющее в современную ему эпоху» [6. С. 37].

Здесь сложились благоприятные естественные условия для концентрации «способных индивидов» и неразрывно соединились друг с другом и сосредоточились отдельные культурные области в одном культурном поясе «(der einzelnen Kulturgebiete in einen Kulturgürtel)», в котором сообщение, обмен, умножение и закрепление элементов культурной сокровищницы находят самые благоприятные условия, в котором, другими словами, сохранение и дальнейшее развитие (Fortentwicklung) этих элементов культуры здесь может осуществляться на самой широкой географической основе [12. S. 26–27].

В числе исторических областей, в которых отсутствует центр, «излучающий» эту культуру (*strahlende Mittelpunkt*), Ратцель называет Финикию: поэтому не случайно, что историки часто забывают о ней, «когда говорят о древних культурных кругах, в качестве которых мы обычно обозначаем только те, чьи центры находятся на Евфрате, Ниле, в Аттике и на Тибре» [18. S. 118]. По этой причине финикийцам была присуща «большая способность к быстрому расширению их периферии» [18. S. 180]. Поэтому, несмотря на то, что древнегреческий язык уступал в пространственном распространении языку «финикийцев, заполнивших все Средиземное море и выходящих за его рамки», Финикия не образовала собственный культурный круг, а, скорее, поддерживала связи с другими подобными кругами [18. S. 119].

Кроме того, не только моря, но и берега озер, устья и изгибы рек (Базель) могут стать центрами исторического и экономического развития (Чикаго) и вокруг них, в свою очередь, могут сформироваться небольшие локальные культурные круги [18. S. 271].

В число стран, входящих в европейско-американский культурный круг, в «Антропогеографии» (1882–1891) Ратцель включает и современную ему Россию [18. S. 162], хотя в последнем своем крупном труде «Земля и жизнь» (1901–1902), как уже было сказано выше, Россия рассматривается как молодая культура и единственный в Европе обширный тип государства, подобный неевропейским странам.

Центры культурных кругов «излучают» идеи в сторону периферии (например, распространение саги о Зигфриде среди уральских финнов). Вследствие этого моральные и духовные силы убывают, действуя на расстоянии, и «в значительной степени подвергаются влиянию большей или меньшей длины своего пути». На «механику распространения мысли» влияет «степень внутренней сплоченности государств, большие различия в размерах культурных кругов и кругов идей и еще большая разница в качестве их концентрических зон» [18. S. 179].

Заключение

Итак, со второй половины XIX в., с периода формирования и интенсивного развития социокультурной антропологии, происходит «поворот к культуре», который на рубеже XIX–XX вв., в частности, в германоязычном научном пространстве, приводит к «инфляции» понятия культуры и «широкой общественной дискуссии» (Н. Хеннигес). Важное место в этих междисциплинарных дебатах занимает антропогеографическое учение Ф. Ратцеля, в котором, как и его современники, автор использует свою концепцию культуры для осмысления масштаба и уровня развития, достигнутого западными культурами, и обоснования геополитических притязаний германского мира.

В ракурсе антропогеографического учения Ф. Ратцеля культура есть:

1) сумма материальных и духовных достижений, в ряду которых материальная культура представляет собой «скелет» духовного прогресса; сама же духовная культура возникает как следствие удовлетворения телесных потребностей и зависит от экономического и политического развития;

2) с точки зрения этимологии – приложение «сил к клочку земли», со временем перерастающее в духовную деятельность, поскольку в ходе непре-

кращающейся работы на одной и той же почве «сосредоточивается творчество и закрепляется предание»;

3) синоним цивилизации как «гражданственности».

Комплекс культуры формирует народ. Культура является результатом накопления, закрепления и «увеличения» опыта поколений. Создатели культурных новаций – отдельные индивиды. Сила культуры укоренена в народе глубже политической силы, она позволяет побежденным превзойти своих победителей на «поле» культуры.

Развитие народа и его культуры не ускользает от естественных условий («почвы»), которые могут оказывать благотворное влияние (на рост и распространение народа, обмен, духовный прогресс) и сдерживать ее развитие (ввиду скудных, ограниченных пространств).

Таким образом, факторами, выступающими в качестве «условий развития культуры», по Ратцелю являются: «...постоянство трудовой деятельности, увеличение плотности населения (умножающее контакты между людьми), связь поколений (обеспечивающая закрепление изобретений и открытий, передачу и обогащение культурного достояния), а также накопление избыточного богатства (благодаря которому возникает досуг для культурного творчества и особый „интеллигентский класс“, основным занятием которого становится культурная работа)» [1. С. 337].

Напротив, истощение духовных сил культуры связано с социально-политической нестабильностью (обнищанием, демографическим спадом, ослаблением власти, потерей независимости).

В истории Ратцель выделяет три типа / уровня культур: культуру естественных народов, полукультуры (Восток: цинский Китай, Япония эпохи Мэйдзи и др.), высшие культуры (Запад: Европа и европейские «дочерние народы» (Северная Америка, колонизированная Австралия и др.)). Разница между ними состоит в способности к развитию и к связям друг с другом (открытости контактам). Причина отсталости естественных народов (отсутствия развития) в задерживающем действии естественных условий. Застойность полукультур, остановившихся в экономическом и политическом развитии, связана с отсутствием духовного (научного) прогресса и с «духом несвободы». Напротив, высшие культуры энергично развивают сохраняющие и создающие силы; экономическое превосходство составляет основу культурного и политического, содействует развитию науки, в основе которого лежит свобода духа. Молодая культура России представляет собой единственный в Европе тип, подобный обширным неевропейским странам. Вместе с тем культурные различия перекрывает принципиальное единство человеческого рода.

Человек по своей природе беспокойное и неустойчивое существо. Движение народов, внутреннее и внешнее, очевидное и скрытое (инфильтрация) правит историей. Как следствие, культурные границы по своей природе неустойчивы и находятся в состоянии постоянного «блуждания». Границы отдельных культурных особенностей можно определить лишь на короткое время. Но чем больше разница в этих особенностях по обе стороны культурной границы, тем большее значение имеют границы.

Еще одна принципиальная составляющая исторического процесса, наряду с подвижностью и развитием (прогрессом), – связи между народами, странами, культурами. На основании этого все народы Ратцель делит на пассив-

ные (закрытые, препятствующие связям) и активные (открытые, вступающие в общение и поддерживающие его). Сначала в пространстве перемещаются люди и предметы, вслед за ними происходит «движение мысли». Все пространство земли покрыто сетью родственных взаимоотношений между народами, поэтому исследовать локальную культуру народа возможно, только внимательно изучив традиции его соседей.

Таким образом, поскольку история есть движение, которое приводит к многочисленным и устойчивым связям между народами, культура находится в таком же состоянии движения, распространения, «блуждания». По сути, в научном наследии Ратцеля речь идет о процессе диффузии культуры, хотя само ее понятие появилось позже. В этом смысле в учении Ратцеля речь идет именно о связях, контактах, заимствованиях, передаче, пересадке, распространении культуры. Сходство в особенностях материальной культуры и традиций («критерий формы») объясняется общим происхождением и дальнейшим перемещением данных элементов из одного места в другое. При этом полученные элементы необходимо удержать и ассимилировать (усвоить).

Наконец, для обозначения культурных областей с одинаковыми климатическими условиями Ратцель вводит понятие «культурных зон / кругов (народов)», которое затем получило дальнейшее развитие в диффузионизме: в теориях «культурных кругов» и «культурных ареалов». Передача идей внутри круга происходит от центра к периферии. Сила воздействия идей зависит от длины пути их распространения, степени сплоченности государств, размера культурного круга, качества концентрических зон. Самой благоприятной культурной зоной рассматривался умеренный климатический пояс вокруг Средиземного моря, где сходились Европа, Азия и Африка и «билось сердце древнего мира». Здесь сложились благоприятные условия для «концентрации» способных индивидов, сохранения и развития тех элементов, которые распространились по Европе, а затем в Америке, Африке и Австралии.

Итак, вслед за Б. Малиновским подчеркнем, что критическая оценка исследовательского «энтузиазма» первопроходцев сравнительного изучения культур, в числе которых он называл и Ф. Ратцеля, упускает из виду тот принципиальный вклад, который они внесли в становление социокультурной антропологии. «Все эти мыслители, равно как и их последователи, постепенно приближались к выработке научной теории поведения человека, к более глубокому пониманию природы человека, общества и культуры» [3. С. 16].

Несмотря на односторонний принцип истолкования общих черт в культурах «при помощи принципа механической передачи» [3. С. 37], «главный принцип, согласно которому культурное изменение может включать в себя факт контакта и диффузии, остается в силе, и в этом – огромный вклад Ратцеля и его последователей» [3. С. 171].

Наконец, следует отметить, что, вследствие размывания своего предмета, отечественная культурология испытывает достаточно серьезный кризис. К ней, как на данный момент самой поздней всеобъемлющей гуманитарной дисциплине, можно приложить характеристику, данную социокультурной антропологии Б. Малиновским: она, вобрав в себя все то, что «отложили в сторону другие», до предела расширив свой предмет, оказалась «в опасной близости от традиционных областей исследования» и рискует превратиться в

«министра без портфеля» [3. С. 15]. Кризис этот, на наш взгляд, связан и с забвением традиций социокультурной антропологии как дисциплинарной основы науки о культуре [21. С. 91]. Поэтому «здоровые предложения» (Б. Малиновский), содержащиеся в подходе как Ратцеля, так и его последователей, заслуживают внимания современных культурологов, в том числе «принцип детального изучения каждого аспекта культуры, необходимость четкого выделения сходств и совпадений, постулат о том, что всегда должны иметься в виду географическая карта и временной аспект явлений» [3. С. 169]. Следует особо подчеркнуть тот факт, что Ф. Ратцель, реализовавший в своем учении антропогеографический ракурс к исследованию культуры, находится у истоков той магистральной линии развития социокультурной антропологии (Э. Тайлор, Ф. Ратцель, Ф. Боас, Л. Уайт), которая, собственно, и привела к формированию культурологии как науки.

Эта взаимосвязь и преемственность отражена в определении предмета культурологии в проекте Л. Уайта. Последний, наряду с анализом структуры и функций культуры и ее эволюции, включил в область предметных исследований науки о культуре те диффузные процессы, которые начал изучать Ф. Ратцель.

Список источников

1. Николаев В.Г. Ратцель Фридрих // Культурология. Энциклопедия : в 2 т. Т. 2 / гл. ред. и авт. проекта С.Я. Левит. М., 2007. 1184 с.
2. Kroeber A.L., Kluckhohn C. Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions. Cambridge, Massachusetts : U.S.A. Published by Museum, 1952. 223 p.
3. Малиновский Б. Научная теория культуры / пер. с англ. И.В. Утекина; сост. и вступ. ст. А.К. Байбурина. М., 2005. 184 с.
4. Выжлецова Н.В. Проблема определения предмета культурологии // Общество: философия, история, культура. 2020. № 2 (70). С. 78–81.
5. Выжлецова Н.В., Выжлецов П.Г. Социокультурная антропология и культурология. Поля предметных исследований // Человек. Культура. Образование. 2020. № 2 (36). С. 74–90.
6. Выжлецов П.Г. Ф. Ратцель как основатель антропогеографического подхода к изучению культуры // Научная сессия ГУАП : сб. докл. : в 3 ч. Ч. III Гуманитарные науки. СПб., 2016. С. 33–38.
7. Henniges N. „Naturgesetze der Kultur“: Die Wiener Geographen und die Ursprünge der „Volks- und Kulturbodentheorie“ // ACME: An International E-Journal for Critical Geographies. 2015. № 14 (4). S. 1309–1351. URL: <https://www.acme-journal.org/index.php/acme/article/view/1076/1146>. (accessed: 19.02.2022).
8. Ratzel F. Völkerkunde. B. 1. Die Naturvölker Afrikas. Leipzig, 1885. 660 S.
9. Ратцель Ф. Народоведение : в 2 т. / пер. Коропчевского. СПб., 1904. Т. 1. 764 с.
10. Ратцель Ф. Земля и жизнь : в 2 т. СПб., 1906. Т. 2. 730 с.
11. Ratzel F. Die Erde und das Leben: Eine Vergleichende Erdkunde. B. 2. Leipzig, Wien, 1902. 702 S.
12. Ratzel F. Völkerkunde. B. 1. Zweite, gänzlich neu bearbeitete Auflage. Leipzig, Wien, 1894. 748 S.
13. I. G. Gerders Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit mit Kants Rezensionen der „Ideen“ und seiner Abhandlung: Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht. Berlin, 1914. 358 S.
14. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / сост., послесл. и ком. С.А. Вайгачева. М., 1991. 574 с.
15. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии : в 3 кн. СПб., 1993. Кн. 1. 349 с.
16. Тайлор Э.Б. Первобытная культура : пер. с англ. М., 1989. 573 с.
17. Уайт Л. Избранное : Наука о культуре : пер. с англ. М., 2004. 960 с.
18. Ratzel F. Anthro-po-geographie oder Gründzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte. B. 1. Stuttgart, 1882. 506 S.

19. Выжлецова Н.В. Концепции взаимодействия культур Запада и Востока // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2016. Вып. 1 (11). С. 56–75. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2016/09/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obshchestve-2016-01.pdf> (дата обращения: 20.02.2022).

20. Февр Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей // Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 239–281.

21. Выжлецов П.Г. Основные положения культурного эволюционизма Л. Уайта // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2014. Вып. 3 (5). С. 79–93.

References

1. Nikolaev, V.G. (2007) Rattsel' Fridrikh [Ratzel Friedrich]. In: Levit, S.Ya. (ed.) *Kulturologiya. Entsiklopediya* [Culturology. Encyclopaedia]. Vol. 2. Moscow: ROSSPEN.

2. Kroeber, A.L. & Kluckhohn, Cl. (1952) *Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions*. Cambridge, Massachusetts, U.S.A. Published by Museum.

3. Malinowski, B. (2005) *Nauchnaya teoriya kul'tury* [A scientific theory of culture]. Translated from English by I.V. Utekhin. Moscow: [s.n.].

4. Vyzhletsova, N.V. (2020) Problema opredeleniya predmeta kul'turologii [The problem of defining the subject of culturology]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 2(70). pp. 78–81.

5. Vyzhletsova, N.V. & Vyzhletsov, P.G. (2020) Sotsiokul'turnaya antropologiya i kul'turologiya. Polya predmetnykh issledovaniy [Sociocultural anthropology and cultural studies. Fields of subject studies]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*. 2(36). pp. 74–90.

6. Vyzhletsov, P.G. (2016) Rattsel' kak osnovatel' antropogeograficheskogo podkhoda k izucheniyu kul'tury [F. Ratzel as the founder of the anthropogeographical approach to the study of culture]. In: *Nauchnaya sessiya GUAP* [SUAI Scientific Session]. Vol. 3. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 33–38.

7. Henniges, N. (2015) “Naturgesetze der Kultur”: Die Wiener Geographen und die Ursprünge der “Volks- und Kulturbodentheorie” [“Natural Laws of Culture”: The Viennese Geographers the Origins of the “Folk and Cultural Ground Theory”]. *ACME: An International E-Journal for Critical Geographies*. 14(4). pp. 1309–1351. [Online] Available from: <https://www.acme-journal.org/index.php/acme/article/view/1076/1146> (Accessed: 19th February 2022).

8. Ratzel, F. (1885) *Völkerkunde*. Vol. 1. Leipzig.: [s.n.].

9. Ratzel, F. (1904) *Narodovedenie* [Ethnology]. Translated from German by Koropchevsky. Vol. 1. St. Petersburg: Prosveshchenie.

10. Ratzel, F. (1906) *Zemlya i zhizn'* [Earth and life]. Vol. 2. Translated from German. St. Petersburg: [s.n.].

11. Ratzel, F. (1902) *Die Erde und das Leben: Eine Vergleichende Erdkunde*. Vol. 2. Leipzig, Wien: Bibliographisches Institut.

12. Ratzel, F. (1894) *Völkerkunde*. Vol. 1. 2nd ed. Leipzig, Wien: [s.n.].

13. Gerders, I.G. (1914) *I.G. Gerders Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit mit Kants Rezensionen der “Ideen” und seiner Abhandlung: Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht*. Berlin: [s.n.].

14. Danilevskiy, N.Ya. (1991) *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: Kniga.

15. Hegel, G.W.F. (1993) *Lektsii po istorii filosofii* [Lectures on the history of philosophy]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka.

16. Tylor, E.B. (1989) *Pervobytnaya kul'tura* [Primitive Culture]. Translated from English. Moscow: Politizdat.

17. White, L.A. (2004) *Izbrannoe: Nauka o kul'ture* [Selected works: The Science of Culture]. Translated from English. Moscow: Rosspen.

18. Ratzel, F. (1882) *Anthropo-geographie oder Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte*. Vol. 1. Stuttgart: [s.n.].

19. Vyzhletsova, N.V. (2016) Kontseptsii vzaimodeystviya kul'tur Zapada i Vostoka [Concepts of interaction between Western and Eastern cultures]. *Filosofiya i humanitarnye nauki v informatsionnom obshchestve*. 1(11). pp. 56–75.

20. Febvre, L. (1991) *Boi za istoriyu* [Fighting for History]. Translated from French. Moscow: Nauka. pp. 239–281.

21. Vyzhletsov, P.G. (2014) Osnovnye polozheniya kul'turnogo evolyutsionizma L. Uayta [The main points of L. White's cultural evolutionism]. *Filosofiya i humanitarnye nauki v informatsionnom obshchestve*. 3(5). pp. 79–93.

Сведения об авторе:

Выжлецова Н.В. – доцент, кандидат культурологии, доцент кафедры рекламы и современных коммуникаций гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: maus72@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Vyzhletsova N.V. – Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: maus72@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 31.03.2022;
одобрена после рецензирования 22.06.2022; принята к публикации 15.02.2024.
The article was submitted 31.03.2022;
approved after reviewing 22.06.2022; accepted for publication 15.02.2024.*